Илья Бояшов
ПУТЬ МУРИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва
Успех этой маленькой, карманного формата книжечки – правильный успех: с блеском написано, с удовольствием читается.
Татьяна Москвина

Илья Владимирович Бояшов
Путь Мури

Текст предоставлен издательством «Лимбус»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161211
Путь Мури: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина; Санкт-Петербург, Москва; 2007
ISBN 978-5-8370-0506-0, 978-5-8370-0471-1

Аннотация

Эта книга – занимательный роман-притча. Ее автора без натяжки можно назвать Кустурицей в прозе. На фоне приключений обыкновенного кота Мури, потерявшего во время войны в Боснии своих хозяев и теперь вольно гуляющего по всей Европе, решаются весьма серьезные вопросы. Кит рассекает океан, лангусты бредут вереницей по морскому дну, арабский шейх на самолете без посадки облетает Землю, китаец идет по канату через пропасть… Есть ли цель у их пути, или ценен лишь сам путь? Будет ли путнику пристанище, или вечное скитание – удел всего живого?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 22

Илья Бояшов
Путь Мури

Имеющим путь, как равно и тем, кто не имеет его, посвящается.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕЙДЕМ К ПУТЕШЕСТВИЮ МУРИ, СТРАНСТВИЯМ КАШАЛОТА, МАРШУ ЛАНГУСТОВ И КАНАТОХОДЦЕВ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОСПОЕМ ГИМН ДВИЖЕНИЮ, НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИСТОРИИ. ПУСТЬ ЧИТАТЕЛЬ ПРОСТИТ СТОЛЬ ДЛИННЫЙ ПРОЛОГ, НО ДЕРЗНЕМ ХОТЯ БЫ КРАТКО ПРОЙТИСЬ ПО ВЕКАМ.

Древние не признавали топтания на месте. Конфуций и Лао-цзы утверждали путь постоянно. «Дорога, дорога, а что еще кроме дороги?» – неоднократно вопрошал поэт и философ Чу Го. Ученый не считался ученым в царстве Ю, если не преодолевал по горным склонам и тропам хотя бы сто ли от одной до другой стражи. Весьма любопытен диалог небезызвестного даоса Лин Пэня со своим, по всей видимости, достаточно образованным слугой. По Лин Пэню, уже чуть ли не с материнской утробы родители и наставники должны внушать ребенку – его ожидает бесконечность странствия. Но ни в коем случае будущего странника не должно пугать слово «бесконечность». Жизнь есть вечный марш от одной точки пространства к другой, во время которого благородным мужем и приобретаются знания, умения и навыки – от способности ловить бабочек, не повреждая пыльцы крыльев, до возможности владеть мечами Цзу. Любопытно, что Лин Пэнь не ограничивал дорогу только лишь горами и долинами царств Ю и Вэй. По глубокому убеждению этого космополита, странник, достигший границ государства, не имел права останавливаться и просто обязан был достичь и «границ Неба». Следует напомнить: Лин Пэнь являлся горячим сторонником «умозрительных путешествий», то есть попросту медитаций.

Странно, но, перечеркивая все китайские традиции почтительности, его слуга достаточно смело подверг сомнению постулат о бесконечности странствий. Уподобив благородного мужа пущенной стреле, он рассудил, что рано или поздно стрела попадает в цель, а значит, останавливает полет. Лин Пэнь не согласился и побил молодого человека посохом. Однако вопрос, поставленный юношей, перерос в ожесточенную перепалку двух знаменитых древнекитайских школ – Чин и Баго. Основатели Чин, прямые последователи Лин Пэня, провозгласили свой единственный постулат: «Дорога, и ничего кроме…» Любой вступающий на путь «сотен открытий» должен полностью отдаваться «великой красоте бесконечности». (Медитация для выхода за «всяческие пределы» была при этом обязательна.)

Их оппоненты яростно протестовали против подобных перспектив. Патриархи школы Баго указывали прежде всего на неизбежный конец пусть даже самого длительного путешествия (стрела рано или поздно достигает цели). Самой главной целью эти прагматики объявили «внутренний путь самосовершенствования благородного мужа», который рано или поздно должен привести к «божественному состоянию».

Озлобленная полемика двух школ прервалась в пятом веке. Что касается Чин, ее бывший адепт по имени Юй, найдя достаточно сторонников среди «тупоголовых» (презрительная кличка, прилепившаяся к его ученикам), начал по-своему трактовать идею бесконечного странствия. Юй призывал относиться к понятию Пути исключительно практично – благородный муж должен путешествовать в самом прямом смысле этого слова, надевая сандалии, соломенную шляпу и отправляясь за порог с котомкой. Всякие же «умозрения», с точки зре-

ния Юя, – ересь, не имеющая ничего общего с истоками учения. По Юю, последователи Чин обязаны постоянно находиться в дороге, не оставаясь в одном месте более трех дней, и уж если им суждено умереть, то сделать они это должны непременно с посохом посреди тракта. Юй объявил врагами всех тех, кто пытался подвести под совершенно обыкновенные путешествия хоть какую-то философскую основу. «Иди не думая!» – вот его лозунг. «Тупоголовые», толпами наводнившие Китай, внесли серьезную сумятицу в учение школы. Дело осложнилось тем, что многие из учеников Юя, находясь в «бесконечном движении», принялись заниматься неприкрытым грабежом и наводили ужас даже на монахов Шаолиня. К концу пятого века они стали настоящим бедствием для власти и жителей. Известно о нескольких карательных походах, наиболее успешным из которых явился поход против «тупоголовых» в провинции Сычуань. Там шайки были рассеяны, а их предводителя наконец-то четвертовали тупыми ножами. Как это и бывает, гонения властей распространились затем и на совершенно невинных представителей теории «вечного странствия». Вскоре с ними было покончено.

Впрочем, конкурентов ждали собственные потрясения. Некий Ду Пин принялся утверждать: истинным концом всех путешествий является достижение не «внутренней», а совершенно земной и конкретной цели. Последовало изгнание еретика. Ду Пин иммигрировал на остров Хонсю и развернул активную деятельность среди местных аборигенов. Он был не чужд поэтичности, утверждая, что для одного конец пути – это сакура в горах, для другого – хижина, которую пришедший в нее уже никогда не покинет. Правда, попытки Ду Пина набрать учеников оказались безрезультатными, хотя в ранних японских хрониках можно отыскать следы подобного сектантства. Так, одним из упоминаний является несколько строк о том, что некий Акава из Нагои объявил целью всех своих странствий куст жимолости у заставы Танага, о чем громогласно объявлял собравшейся толпе. Это курьезное упоминание – одно из немногих сохранившихся – свидетельствует о немногочисленности последователей Ду Пина. К шестому веку уже ничего не слышно и о самой школе!

Философия древнекитайских «странников» неожиданно привлекла арабов. Те раздули ее уже затухающий огонь с чисто аравийским темпераментом. Дервиши моментально разделились на «бесконечников» (звездолюбы) и «конечников» (болиголовы). Практика звездолюбов повергла в ярость правоверных халифов. Однако, несмотря на преследования и казни, призывы оставить насиженные места ради «бесконечного странствия» взбудоражили весь Халифат. За смутьянами следовали огромные толпы поклонников. В Дамаске начались настоящие волнения после попыток остановить одну такую колонну. Власти можно было понять – пустели целые города, повсюду население бросало дома и наделы и оставляло ни с чем сборщиков налогов. Зато дороги были забиты нищими, которые в поисках пропитания не гнушались грабежами целых караванов.

Болиголовы представляли еще бульшую опасность, ибо объявили о некой «стране Солнца», лежащей по другую сторону Кавказских гор. Конечно же, в той стране не было ни богатых, ни бедных и начисто отсутствовали такие понятия, как «мытарь» и «палач». Дело оставалось за малым – переселиться в Утопию. Стоит ли говорить, что после столь явно обозначенной цели из голов последователей учения отчаявшиеся каратели сооружали целые пирамиды.

Пожалуй, один лишь Гарун аль-Рашид на удивление мягко относился к возмутителям арабского спокойствия. Достоверно также известно о пристрастии Аль Муххамеда Бен Адена, близкого друга этого багдадского халифа, к философии звездолюбов. В трактатах «О благодати Аллаха» и особенно в своей бессмертной «Хивинской Розе» врач и философ трогательно относился к святым безумцам, готовым «перелетать со звезды на звезду подобно тому, как мотыльки порхают с цветка на цветок».

К прискорбию современных исследователей, ненависть к «бесконечникам» со стороны твердых сторонников шариата привела к тому, что к тринадцатому веку о них остались лишь туманные воспоминания и трогательные легенды. Не сохранилось также ни одного источника, хоть как-то объясняющего, какую страну имели в виду болиголовы под понятием «земли Солнца». Впрочем, энтузиасты не теряют надежды когда-нибудь разыскать в рукописной пыли библиотек Дамаска или Каира отрывки их загадочного трактата «Истинность самаркандского каравана», в котором прямо говорится о тайных подземных ходах, уводящих в «землю обетованную».

Минуло еще несколько столетий. В благодатный для Франции год, когда король Анри IV двинул свои войска и артиллерию громить Савойское княжество, монах-францисканец Виль Блоумберг, по совместительству библиотекарь спокойного, утонувшего в яблоневых садах монастыря Сент-Люсия, что процветал совсем недалеко от Лиона, окончательно уверился в правильности своих записок «О предназначении тварей Божиих». Испросив благословения у святого Франциска (ему показалось, святой ответил согласием, ибо «был даден знак»; внутренний голос внезапно повелел скромному знатоку Аристотеля немедленно приняться за работу), Блоумберг написал в своем роде уникальное произведение «Сущность и Богоугодность истинного Пути». Этот францисканец наконец-то создал систему, мирно объединившую воззрения незабвенного Лин Пэня и его непокорного слуги. Блоумберг совершенно спокойно относился к понятию «бесконечность» и к «конечности» любого путешествия, справедливо посчитав, что и то и другое имеет полное право на существование. Как истинный европеец, он занялся тщательной классификацией, разделив отправившихся в путь на «страстотерпцев», «верующих», «еретиков», «робких», «решительных», «внимательных», «рассеянных», «бодрых», «вялых» и т. д. и т. п. Не менее скрупулезно монах исследовал и причины, толкающие к путешествиям, целые главы посвящая «отчаянию», «надежде», «безвыходности», «честолюбию», «богоискательству» или «желанию просто переменить место» (позднее Шопенгауэр назвал подобную классификацию «вариациями Блоумберга»). Дотошливый монах попытался разобраться и в таком чрезвычайно сложном вопросе, как «истинность» и «неистинность» пути. Он вынужден был признать – грань между богоугодной и дьявольской мотивациями движения настолько тонка, что стоит самым серьезным образом разбираться в каждом отдельном случае.

Этот Блоумберг был еще и тем замечателен, что впервые высказал предположение: путешествовать могут и создания иного мира, потусторонние существа – духи, ангелы, демоны, эльфы, домовые и прочая чисть и нечисть. Именно ему принадлежит невиданный для того времени по дерзости постулат об «осознанности движения животных». Правда, испугавшись собственной ереси, монах вернулся к догме первенства человеческих отношений с Богом. Однако впоследствии знаменитый зоолог и мистик Фазерленд, опираясь именно на «вариации Блоумберга», сформулировал идею о том, что «все твари имеют разум, а следовательно, и право на осознанный Путь».

Что касается Блоумберга, монах закончил собственный путь на земле в девяносто три года. Ничего, кроме единственного трактата, более не создавший, он вдохновил не одно поколение метафизиков. Он подтолкнул к действию несметное количество путешественников и искателей – от Амундсена до Ауробиндо. Парадокс – но один из самых великих путников человечества всю свою жизнь прожил в монастыре, лишь иногда выбираясь из него за покупками в ближайшую деревеньку.

Во второй половине двадцатого века профессор Женевского университета Франсуа Беланже, убежденный сторонник Лин Пэня, отверг компромисс, которого попытался достичь францисканец. Пит Стаут, биолог из Кембриджа, превратился в его оппонента – и началась борьба.

Неистовый Франсуа сплотил возле себя так называемых новых бесконечников. Профессор был тучен и неподъемен, предпочитая рабочий кабинет разъездам по конференциям. Напротив, доктор Стаут, этот истинный палладин противоположной идеи, являл собой живое воплощение господина Зоммера. Длинный, согнутый, словно гвоздь, в черепашьих очках, с рюкзачком за спиной доктор неустанно колесил по планете. Лысина неутомимого Пита мелькала на всех симпозиумах и съездах, где собирались его сторонники. Ко всему прочему Стаут являлся ярым последователем теории Фазерленда.

Беланже категорически выступил против попыток своего врага приписать зверям и птицам хоть какую-то осмысленность движения.

«Нужно дойти до крайней степени наивности, – бушевал он в статье „Глупость или идиотизм“ (журнал „Философский вестник“, май 1967 г.), – чтобы признавать за остальной природой то, чем Господь одарил только человека. Оставим в стороне высший интеллект, без сомнения, присущий сонмам ангельским. Не будем спорить со злым интеллектом сил сатанинских. Но утверждать, что в основе природных инстинктов, которые заставляют уток каждый год совершать перелеты, лежит рассудок, значит, доходить черт знает до чего, впадать в какое-то умилительное детство, совершенно не признавать ни реальности, ни фактов! Уму непостижимо, когда люди, имеющие ученые степени, находясь в здравом рассудке, начинают вдруг рассуждать (и где! на страницах научной печати, в уважаемых журналах) о том, что муравьев и леммингов гонят в дорогу человеческие желания! Не отсюда ли *ad absurdum*[1] – предпринимаемые и по сей день попытки некоторых философов-зоологов доказать, что существует некий «звериный язык» и прочие проявления того, что мы привыкли считать прерогативой *только нашего разума*, данного *нам* самим Богом? Не удивительно, что и по сей день Фазерленд в чести у подобных господ! Ставятся бредовые опыты, пишутся опусы, опровергающие Павлова с его рефлексами, – словом, творится околонаучная чепуха, мракобесие и шарлатанство. Все эти деятели утверждают, что животным и насекомым присуща мысль. Что на это ответить? Не буду же я в тысячный раз утверждать вслед за всеми великими умами, что *ad incunadulis*[2] разум – самый главный дар Божий единственному возлюбленному чаду своему, который только его и приближает к Творцу, и только ему позволяет осознавать радость бесконечности!..»

«Еще более смешно верить в эльфов и фавнов! – писал неутомимый Беланже в другой своей статье „Непробиваемый маразм“ (тот же „Вестник“, 1969 г.). – *Ad imo pectore*[3] оставим литераторам право фантазировать на подобные темы. Однако какой ученый, если, конечно, он в здравом уме и памяти, станет доказывать не только существование невидимых стихиалий, попросту говоря, духов, но и опять-таки их совершенно человеческое восприятие мира?.. Волшебные жители гор и долин, все эти кобольды и русалки, не более чем нонсенс, игра воображения, плод страхов, доставшихся нам от язычества…»

Франсуа Беланже еще много чего написал: достаточно кинуть взгляд на библиографию. К концу восьмидесятых мэтр являлся признанным авторитетом, автором нашумевших работ «Могут ли мыслить животные: критика последователей Фазерленда» (1961), «Остались ли еще валькирии и гномы?» (1973) и «Пути странников и птиц» (1987). В начале девяностых семидесятишестилетний боец попытался удалиться от мира, с тем чтобы в тиши кабинета в маленьком особнячке под Ганновером заняться основным трудом своей жизни «Особенность *homo sapiens*[4] как единственного носителя Идеи Божьей». В этом труде он

[1] Приведение к нелепому выводу (лат.).

[2] С колыбели, с самого начала (лат.).

[3] Искренне, от души (лат.).

[4] Человека разумного (лат.)

собрался окончательно разделаться со «всякими и всяческими спиритами», упрямо признающими за остальными существами пусть даже подобие человеческого разума.

Предводитель современных «конечников» доктор Стаут достал его и там.

«Нужно обладать поистине носорожьей слепотой, чтобы не замечать очевидного, – кусался Пит в журнале „Человек и животное“, рупоре последователей Фазерленда. – Поистине нет предела средневековому мракобесию! Господину Беланже можно посоветовать одно: *nec sutor iltra crepidam*![5] Если даже гениальный монах в те тяжелые для науки времена высказывался, хотя и робко, в пользу вещей очевидных, то что мешает нам, имеющим сейчас в распоряжении лаборатории и целые институты, доказать: животные *мыслят*, они *осмысленно* отправляются в путь и имеют *определенные цели … Sol lucet omnibus*[6] *господин профессор!»*

Между тем Мури, молодой наглый кот из боснийской деревушки, о вариациях Блоумберга не имел ни малейшего представления. Этот маленький деспот владел своим местом возле кресла, где ему был постелен старый плед и поставлена миска. Яблоневый сад он, по простоте душевной, также считал своим. Крестьянская семья – мать, отец, мальчик и девочка – целиком ему принадлежала и существовала лишь для того, чтобы исполнять его прихоти. Кот ревностно охранял свою территорию, которую знал досконально – от старого колодца до яблонь на краю сада. Кроме того, он по-свойски общался с множеством малых и больших духов, населявших его кусок земли, – от совсем крошечных, едва заметных, которые обитали в траве и на ветвях кустарника, ухитряясь даже на острейших стеблях осоки сооружать себе жилища из паутины, до духов пруда, вертких, словно водомерки, и духов огромного замшелого дуба возле дома. С обитающим в комнатах домовым – бесплотным прозрачным пузырем – отношения были вполне лояльными. Пузырь иногда даже позволял коту играть с собой.

Таким образом, кот был деловит, величав и счастлив. Правда, весьма частые стычки с чужаками давали знать о себе: тогда истерзанный воин трусил к лугу возле горы. Там он безошибочно разыскивал целебную траву *pektoralis* и пил росу трилистника, дедовским способом залечивая последствия схваток и приходя в прежнее душевное равновесие. Между прочим, частенько встречал он в травах крошечных человечков с прозрачными крыльями, угорело носившихся от цветка к цветку. Местные нимфы, росточка, надо сказать, тоже весьма небольшого, водили с ними хороводы. Кот не жаловал нахальных эльфов. Ему также весьма надоедали муравьи и некоторые виды жуков, кишмя кишевшие на лугах и полянах, едкие выделения которых на долгое время отбивали нюх. Но то были настоящие мелочи, не столкнувшись с которыми нельзя в полной мере вкусить прелестей бытия. Вне всякого сомнения, блестящий мир кота имел полный, исчерпывающий смысл. Утром и вечером миска заполнялась свежим молоком. Мышей и землероек в саду и в силосной яме было навалом. Птички попадались в когти то здесь, то там. Чужие коты беспощадно отгонялись от сада, кошки отдавались по первому требованию, раны заживали на удивление быстро. И кроме людей и животных услужливые, меньше всего желающие ссориться духи окружали нашего кота, носились и трепетали в воздухе, дышали, шумели, плакали, пищали, разговаривали, жаловались и хохотали, а главное, со всех сторон приносили вести о том, что делается и у колодца, и возле пруда, и в коровнике, и в конюшне, где шумно хрупали сеном и вздыхали две мохнатые толстобрюхие лошадки. И все это неисчерпаемое богатство до малейшей песчинки принадлежало *ему,* царю здешних мест, властелину мужчины, женщины и детей, повелителю сада, амбаров, подвала и коровника (молодых собак-конкурентов, слава богу,

[5] Не суди о том, чего не знаешь! (Лат.)

[6] Солнце светит для всех (лат.).

хозяева не заводили, доживал свои годы древний, как мох, кобель, но он едва челюстью шамкал, рассыпающийся старикашка).

Так Мури властвовал, так он правил, не подозревая о мечах Цзу. Сладостное безвременье! Все пропало, когда в Югославии началась гражданская война 1992 года.

Вот как все случилось: первый снаряд опрокинул небо и разметал кустарник. За ним бухнул еще один. И еще… Ах, поляна с земляникой! Ах, старые яблони! Все вырывалось с корнями. Если бы люди только слышали, как стонут, вопят и плачут духи, когда снаряды разрывают их жилища! Стихиалии сошли с ума, они роем поднялись над обреченной деревней, жалобно заверещали и заметались, подобно летучим мышам. Вслед за ними паника перекинулась на бабочек и муравьев; а в садах трещали деревья и разлетались осколки и комья земли.

Если бы разгневанный случившимся Мури, которого беда застала на целебном лугу, поднял бы голову, то он бы увидел, как, скрежеща и радостно трубя, по небу, махая крыльями, поплыла туча демонов – этих истинных сукиных сынов войны. Вновь сотнями, а затем и тысячами поднялись они из всех земных трещин. Но коту было не до бесов! На всех парах он полетел к дому – его встречали лишь разбитые доски, кровати и раскрошенная труба. Домовой сидел на ступенях чудом оставшегося крыльца, квохтал и выл от ужаса. Пузырь был обречен, ибо домовые подобного почтенного возраста не покидают своих гнезд и, как правило, умирают вместе с ними. Так что, будучи еще вчера колыхающимся от довольства, домовой на глазах наполнялся мертвой зеленью.

Мури обследовал пепелище, повсюду натыкаясь на плачущих духов. От них, а также по следам и запахам он узнал, что люди о нем и не думали. Двуногие просто сбежали! Не в силах поверить в предательство, властелин вновь обнюхал забытые вещи, брошенные возле крыльца. Ярость потрясла его, но царь земли, которой больше не существовало, справился с гневом и окончательно возвратил себе достоинство. Подрагивая теперь уже от решимости, он приблизился к безутешному домовому. Два существа принялись общаться между собой.

– Все кончено, – колыхался домовой. – Жизнь ушла, и ее не будет больше.

Кот, не мигая, посмотрел на него и вот что ответил, наливаясь праведной злостью на сбежавшую семейку:

– Нет, так дело не пойдет! Мне просто необходимо иметь миску, плед и мое место под этим солнцем.

– Кому ты нужен теперь? – тоскливо отвечал домовой.

– Ты так ничего и не понял! – откликнулся кот. – Мне нужны миска, плед и двуногие, которые бы мне прислуживали.

– Нам крышка… – заныл домовой.

– Заткнись! – мяукнул Мури. – Ты, опустивший руки пузатый бурдюк! Не сегодня-завтра лопнешь на этих разваленных досках!

– Что же делать? – ныл домовой, раскачиваясь.

– Возвратить потерянное! – сказал кот. И отправился в путь.

В тот же самый трагический для кота день шейх Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим – любимец Аллаха, владелец тридцати красавиц жен и пятнадцати месторождений, двух портов и пяти нефтеналивных танкеров, один из которых и сейчас носит его имя, – начал свое движение.

Сверхлегкий самолет шейха, получивший имя «Виктория», имел размах крыльев двадцать восемь метров, три мотора, вместительную кабину с изящной приборной доской, креслом со специальным устройством, позволяющим справлять малую и большую нужду, а также шесть баков горючего, рассчитанных на беспосадочный перелет вокруг земного

шара. Для аварийной посадки использовался сложенный в специальном отделении за кабиной парашют – там же располагался мешок с уложенной в него лодкой и комплектом полного жизнеобеспечения на четырнадцать дней. К услугам шейха была прекрасно себя зарекомендовавшая навигационная система «Стар», определяющая местоположение самолета с точностью до нескольких метров, а также мобильный телефон космической связи. Шейх Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим не поскупился на такие приобретения, как сверхусовершенствованный автопилот (последний писк концерна «Боинг») и система, регулирующая экономную подачу топлива. «Виктория» была не только гордостью шейха, но и любимым детищем «Нордланда», лучшим изделием, когда-либо сотворенным в цехах этой почтенной английской фирмы. Хрупкий, прозрачный, созданный из почти воздушных по весу металлов, самолет занимал весь ангар, в который никто, кроме самого шейха и двух его техников, не имел права даже носа сунуть, ибо Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим боялся в этой жизни только одной вещи – дурного глаза.

Шейх Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим хорошо подготовился: он налетал за штурвалом личного F-16 девятьсот пятьдесят часов. Он добился того, что стал одним из лучших пилотов во всем королевстве. Он не поленился совершить двадцать пять прыжков с парашютом (два из них затяжных). Шейх следил за своим весом и давлением, терзал тренажеры по три часа в день и часто не отказывал себе в удовольствии покрутиться на центрифуге, доставленной во дворец прямо из московского Звездного городка.

15 августа 1992 года шейх Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим попросил благословения у Аллаха. Он нашел слово для безутешных жен, которые втайне считали, что Бог забрал к себе разум несчастного мужа. Он не поленился перецеловать всех своих детей, число которых перевалило за пятьдесят. В 10.00, облачившись в летный комбинезон, он погрузился в самолетное кресло. В 10.02, провожаемый криками журналистов и вздохами многочисленной родни, исчез в неизвестно откуда появившихся облаках, наличие которых сведущие люди посчитали недобрым знаком.

Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим, как всякий араб, был поэтом. Разглядывая океан, он сочинял восторженные вирши, которые пел сам себе. Видимость была изумительной, бортовой компьютер оказался мудрым советчиком, предлагая держаться следующих параметров: высота семь тысяч футов, скорость пятьсот пятьдесят миль в час. Через восемь часов однообразного полета (во время него была сочинена и пропета целая поэма), этот «гонсильори» порекомендовал шейху обойти грозовой фронт, который готовился вот-вот поглотить Цейлон.

Шейх Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим подлетел к Сингапуру поверх туч и громов и принял многочисленные поздравления от диспетчерских служб. Японцы обещали наследному принцу спокойный полет над Тихим океаном в условиях почти нулевой облачности при попутном ветре.

Сама погода благоволила высокородному путешественнику. Время от времени доверяясь автопилоту, шейх лакомился финиками и запивал их минеральной водой. Будучи человеком почти что западным (Кембридж за плечами), он слушал любимую музыку – наряду с лирикой несравненного Валида Ханида в репертуар входили Бетховен и Моцарт. Над головой шейха Аллах благосклонно развесил звездные ожерелья, среди которых посверкивали и редкие крупные изумруды и рубины. Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим до утра упивался своим вселенским одиночеством и предавался философским размышлениям.

Заря, охватившая собой половину неба, взбодрила романтичного Синдбада. Весь мир был теперь у него в кармане, и путешественник не отказал себе в удовольствии сделать несколько глотков крепкого кофе «Эль-Сабах». Он благословил свой штурвал, он помолился Всевышнему, он вновь подал голос в эфире, и во дворце посреди Аравийской пустыни все

тридцать жен воздали хвалу Богу за то, что их, без сомнения, тронувшийся рассудком муженек все еще жив.

Удача сопровождала самолет до Гавайских островов, но при подлете к береговой полосе великого материка поспешно удалилась. Последствия не замедлили себя ждать – над штатом Техас начались проблемы с подачей топлива. Закашлялся один мотор. Затем еще один. И наконец, последний перестал подавать свой ставший одиноким голос. В кабине «Виктории» раздался победный рев ветра. Аэропорты моментально предложили помощь. Поблагодарив за сочувствие, пилот взглянул на монитор растерявшегося компьютера и, все еще не поверив реальности, пытался выровнять детище. Тщетно! Шейх Абдулла Надари Ак-Саид ибн Халим встретил неизбежность, как полагается мужчине: допил оставшийся кофе и пристегнул ремни. Длинные крылья еще позволяли «стрекозе» какое-то время скользить в воздушных потоках, но триумф уже не мог состояться. На высоте двух тысяч футов хлопнул парашют. «Стрекоза» неуклюже рухнула на одно техасское ранчо, сломав драгоценное крыло и повредив шасси. Шейх на безукоризненном английском извинился перед подбежавшими хозяевами за причиненные хлопоты и с благодарностью принял из их рук кружку еще теплого молока. Его высочество успел отвернуться от добродушных фермеров, чтобы избавиться от секундной слабости – растворить на указательном пальце левой руки крошечную досадливую слезинку.

А кот трусил по дороге, уводящей из сожженной деревни к весьма недалекой отсюда боснийской столице. Проезжая мимо него, нещадно чадили трубами тракторы с беженцами; их дым отравлял и небо, и землю. С прицепов доносились женские вопли и детский плач. Мужчины от подобных криков зажимали уши. Мури не утруждал себя бесполезной сентиментальностью – его сердце работало без всякого волнения, легкие вполне справлялись с тяжелым воздухом, лапы послушно пружинили.

К вечеру позади кота тяжело задвигался и закачался сербский танк, настоящий бронтозавр с плоским блином башни. На броне болтались и цеплялись за всякие скобы и за ствол пулемета молодые солдаты в форме болотного цвета. Кот не бросился опрометью в сторону, а, прижав уши, остался на обочине. Тут-то его и подхватили обычным рыболовным сачком – такими сачками в прудах пресекают существование крупного карпа.

Шутник, который поймал кота, просунул шест сачка в распахнутый люк. Из люка, словно из преисподней, несло жаром и вонью. Мури не дергался, необъяснимо почувствовав – танк громыхает в нужном направлении. Шкуру с него сдирать не собирались, прижигать сигаретами тоже, хотя от испуганных людей на войне можно ожидать каких угодно фокусов. Посмеявшись, солдаты вновь принялись хлестать из фляжек ракию, и разговоры вновь пошли о женщинах и обо всем, что с ними связано. Чем вернее приближалась смерть, тем циничнее становились шуточки, лишь только подрагивающие сигареты в уголках губ выдавали истинное уныние. Люди слепы к потустороннему миру, однако Мури, переворачиваясь в сачке, хорошо видел, что возле солдат уже засуетились темные силы. Демоны спикировали на танк с радостью исполнительных полицейских. Кот знал: эти отвратительные существа выполняют для ада самую грязную работенку – отмечают своими когтями лбы тех, кому суждено скоро погибнуть. Таким образом, из пятерых на броне двое сразу приговорились к поеданию червями. Разумеется, обреченные не догадывались о том, что получили черную метку, – они не чувствовали прикосновений, – и это неведение забавляло потусторонних подонков. Дай им волю, демоны прочертили бы когтями по всем лбам человеческим. Но у дьявола свой лимит – слуги призваны были лишь исполнять приказания. Мури, видя все эти штучки, не мог не испытывать презрения к подобным трюкачам. Демоны чувствовали его холодную ненависть и, шипя и злясь, отворачивались, встречаясь с кошачьими зрачками.

Между тем показалось Сараево. При виде дружно горящих крыш, с которых сыпалась черепица, демоны совсем взбесились от радости, заскакали по башне и, высунув от старания омерзительные языки, еще раз чиркнули по приговоренным лбам – проделывать подобное сколько угодно раз им не возбранялось. Один из рогатых и перепончатых мерзавцев даже оседлал качающийся орудийный ствол. Затем началась пальба. Солдаты проявили неожиданное милосердие – древко было выдрано из люка, и кот вместе с сачком, кувыркаясь, полетел на обочину.

А в городе творилось настоящее безумие. Скрипя стволами, растопырив ветви, с треском рушились липы и каштаны. Над деревьями носились мириады стихиалий. Домовые в отчаянии бегали по лопающимся крышам. Это была вселенская паника: снаряды падали то здесь, то там, город расплескивался по сторонам, птицы совершенно потеряли голову – и над всем этим дрожало зарево.

Мури плюхнулся в придорожную траву и не особо тому расстроился – до него никому не было дела. Двуногие усердно истребляли друг друга, попутно задевая деревья, птиц и животных. Кот направился к подвалу ближайшего дома. На разваленном крыльце, подобно нытику домовому, уместился старый человек. Он держал в ладонях собственное сморщенное, словно губка, лицо, выжимая из него довольно крупные слезы. Увидев перед собою Мури, он запричитал коту точно так же, как запричитал бы любому появившемуся существу:

– Где моя Аннутка? Нет моей Аннутки! Где Борислав? Нету… Где мой сад, в котором каждое деревце сажал я и выращивал вот этими руками?..

– Глупец! – презрительно ответил маленький кот, наперед зная, что двуногий его не услышит. – Возьми и верни все себе.

Разумеется, Мури пребольно царапнулся, когда его попытались приласкать.

Ночь кот провел в разрушенной церкви и занялся тем, что тщательно вылизал и вымыл себя. Духи-хранители церкви носились под разбитым куполом, вовнутрь которого провалился крест, удержавшийся от окончательного падения лишь своей перекладиной. Иконы сгорели, и все внутри выгорело, остались лишь обугленные врата. Духи, страшно переживая случившееся, переговаривались тихими скорбными голосами. Впрочем, все здесь дрожало и плакало, поднятое войной, и даже ночью не могло найти себе успокоения.

В обезображенном храме кроме стихиалий находились и двое пленников-хорватов, один из которых был совсем юным. От них, как от всяких крестьян, пахло хлебом и овечьей шерстью. Люди не слышали сотен тысяч потусторонних стонов в самом храме и за его пределами – для них вокруг установилась глухая тишина. Охрана за стенами, которая заперла их и приказала лежать неподвижно, давно разбежалась. О пленниках напрочь забыли, им можно было преспокойно подняться и уйти, но вот только ни тот ни другой об этом не знали. Они послушно лежали на кирпичах, боясь шевельнуться, чтобы не вызвать раздражения несуществующих конвоиров.

– Господи! – наконец простонал юный. – Ноги мои затекли… Я сейчас, по крайней мере, перевернусь!

– Молчи! – прерывающимся от ужаса шепотом отвечал старший. – Нам приказали не двигаться… Разве ты не понял, что от нас требуется?.. Не делать ни единого движения… Только дышать.

– Я больше так не могу, – жаловался молодой.

– Нет, нет и нет, – умоляюще зашептал старший. – Лежать, лежать, ради бога, иначе нас убьют. Только дышать, и то как можно реже…

– Но везде тишина… Может быть, может быть… – Голос юноши прервался от невообразимо смелой догадки. – Может быть, они покинули пост хотя бы ненадолго. И мы за это время перевернемся на другой бок.

– Нет, – ответил старший. – Они притаились в тишине, эти мусульмане. О, я знаю. Они стерегут нас – чутко, чутко. И если что услышат – смерть. Да, это будет немедленная, ужасная смерть.

– А так разве нас не убьют?

– Так нам, возможно, удастся дожить хотя бы до рассвета. Если будем лежать как мыши.

И оба утихли. Ангелоподобные духи и другие стихиалии, оставшиеся в ту ночь в храме, разохались от сочувствия.

– Смерть заберет их утром, если они будут так же бездействовать! – твердили духи. – Конечно, они честные христиане и, без всякого сомнения, поднимутся в рай. Но все-таки лучше бы было, если бы они пожили подольше!

Пленники, не слыша этих вздохов и шепотов, дрожали на кирпичах.

– А ты чего ухмыляешься? – накинулись духи на кота.

– Им стоит всего лишь подняться, – ответил Мури, лениво, но вместе с тем грациозно потягиваясь. – Всего лишь сделать шагов десять – пятнадцать. И выглянуть за дверь. Отчего же тогда вы мне запрещаете ухмыляться?

Утро резануло солнцем по разбитому куполу. Луч мгновенно нашел стену напротив узких окон. Вновь загрохотали выстрелы. Духи, прикорнувшие кто где, разом взгомонились и заметались, суетливые, словно насекомые. Пленники по-прежнему предпочитали утыкаться носом в кирпичную крошку.

Мури покинул церковь и подался к дому, уже не представлявшему интереса для пушек – он был только что разворочен снарядом. Кот пробежался по теплым доскам провалившейся крыши, которые громоздились до окна первого этажа, ловко запрыгнул на запорошенный пылью подоконник и лег, словно маленький сфинкс. Спешить сейчас куда-либо было бессмысленно. Он и остался свидетелем бойни, наблюдая за тем, как во всех направлениях летает свинец и железо и разбегаются солдаты и жители, а над ними по-прежнему суетятся и сталкиваются различные Божьи и дьяволовы существа.

Вообще то, что творилось в небе, было грандиозным зрелищем: то здесь, то там устремлялись вверх души разорванных и расстрелянных. Если человек оказывался христианином, ангелы тотчас подхватывали дымящуюся синеватым дымком душу и, поддерживая ее, уносились с нею за облака. Погибших мусульман встречали не менее ослепительные пери. В отличие от серьезных сосредоточенных ангелов эти девицы легкомысленно щебетали. Тем не менее они легко управлялись с каждой трепетной душой, тут же взвешивая ее на узких девичьих ладонях. Все было строго разграничено. Пери поднимались к небесам с восточной стороны, там, где нежилась заря. Ангелы, забирающие православных и католиков, предпочитали запад. Таким образом, в небе тоже кипела работа. Оставалось добавить к этому зрелищу летающих целыми стаями демонов, их боевой гомон, скрежет и щелканье крыльев.

Маленький кот, никуда не сходя и не моргнув глазом, дождался вечера. В конце концов бойцы и жертвы выдохлись, пушки раскалились настолько, что отказались выплевывать снаряды, у танков задымились моторы, даже автоматы Калашникова запросили пощады. Пощелкивали еще кое-где снайперские винтовки, но все остальное сказало: «Хватит!» Генералы были вынуждены подчиниться. Ангелы и пери закончили работу и разом вспорхнули в стратосферную высь, к своим лагерям, – и вновь безнадежная ночь рухнула на несчастный город. Духи без сил падали на оставшиеся деревья и крыши. Люди еще раньше свалились с ног: теперь повсюду только чадили недогоревшие бронетранспортеры.

Пушистая кошечка нашла Мури на подоконнике и первой подала голос. Повернувшись, Мури спрыгнул навстречу. Они долго ходили по доскам, принюхивались и терлись головами.

Дрожащая от сладострастия кошка знала: полосатый красавец уже никуда не денется. После того как были зачаты новые дети, самка успокоилась и, прикрыв мудрые глаза, повела разговор:

– Ты теперь не уйдешь от меня, полосатик. И действительно, зачем убегать? Пока лето, мы славно поживем на здешних улицах. Здесь вполне хватает крыс и мышей. Уж можешь мне поверить: после того, что случилось, они только расплодятся – люди оставили зерно и погреба, забитые снедью! Столько человечины валяется сейчас по улицам: собаки насыщаются ею утром и вечером. Убоины-то все прибавляется!..

Мури ответил:

– Разве ты не знаешь, что значит для меня свой плед возле кресла? Что для меня значит утром спускаться в свой сад, а затем возвращаться обратно к своему молоку?..

– Знаю, – отвечала кошечка печально, чувствуя его стремительную, жадную и неостановимую решимость.

– Так зачем уговариваешь? Какое мне дело до собак и крыс?

И Мури отправился в ночь.

Повсюду валялись неубранные двуногие мертвецы. Собаки, эти жалкие, не стоящие внимания трупоеды, истинные гиены местной битвы, рвали человечину, торопливо заглатывая ее. Собаки боялись каждого ночного скрипа, зубы их клацали от страха, с языков стекала слюна – они пугались даже кошачьих бесшумных лап и прятались по укромным углам, когда раздавался самый незначительный шорох. Трусливых мародеров окончательно распугало тарахтение мотора. На улице, вдоль которой спешил презрительный кот, показался старый грузовичок. Борта «форда» были откинуты, в кузове лежали кровоточащие людские останки: туловища, руки, ноги и головы. Водитель занимался самой простой работой – когда фары нащупывали еще одно тело, он вылезал и, помогая себе крючьями, подтаскивал останки к кузову, а затем легко забрасывал. Грузовик подъехал совсем близко к Мури, кот увидел, что этот неизвестно кем нанятый шофер был настоящим Геркулесом. Великан подкручивал усы и напевал по-сербски:

Закончил дела я в Мансаре,
Затем подался в Сараево.
Много здесь будет работки,
А значит, звонких монет.
Когда же заплатят,
Что мешает податься в Австрию?
Да-да, через снежные горы,
А там – дорога опять!..

– Вот так славная песня! – одобрительно воскликнул Мури, провожая глазами этого Харона.

Спросив затем у попавшихся духов, остались ли в Сараево нетронутые кварталы, кот услышал – дома есть на южной окраине, там, где кучно живут местные евреи. Он тотчас направился к еврейскому кварталу. И правда: на достаточном удалении от центра стали попадаться не тронутые войной особняки.

– Бессмысленно здесь ловить рыбку! – пропищал, пролетая над котом, крошечный дух. – Назавтра и здесь все разгромят. Так что, если задумал спастись на окраине, гиблое это дело.

Действительно, несмотря на мнимое спокойствие, на ступенях крылец благополучных домов уже сидели домовые. Они дрожали, скулили и горестно жаловались на судьбу. Видно было, что раньше им здесь жилось сладко и вольготно. Здешние коттеджи были в два, а то и в три этажа, с мансардами и гаражами. Кот принюхался, присмотрелся – и направился к домику поскромнее. На крыльце домика горевал о прежней жизни ветхий домовой.

– Ты попал к хорошему человеку, – всхлипнул он, отвлекаясь от собственного плача. – Если хочешь найти еду и кров – поторопись. Сегодня утром хозяин бросает меня и нажитое добро.

Дверь была открыта, и кот безбоязненно зашел на маленькую кухню. Там возле стола сидел на табурете сутулый старик, нос которого небезуспешно пытался дотянуться до верхней губы. Мури потерся о его ноги, дружелюбно мяукая, а сам покосился на коридор, где уже стояла готовая тележка с нехитрым скарбом. Разжалобить хозяина оказалось пустяковым делом – тотчас откуда-то появилось блюдце и молоко.

Двуногий сразу же начал свой монолог:

– Убили мою мурлыку, так тут же ты приблудился! Ладно, вот тебе и кусочек кошерного мясца. Вскоре здесь тоже начнется пальба, и вряд ли что-нибудь уцелеет, а нам придется бежать. О, равви Веджамин был умнейшим человеком! На заре юности моей он сказал мне: «Яков, тележка твоя всегда должна быть наготове. Береги ноги – они тебе еще пригодятся!»

Сказав это, старик закурил замечательную трубку из вишневого дерева. Наполнив дымом все вокруг себя, Яков поднял палец, а Мури слушал его с самой внимательной мордой.

– Когда я был младенцем, мои родители из Будапешта прибежали в Баварию. А в тридцать седьмом – я это уже хорошо помню – магазинчик, книги, дом – все вновь было брошено. И вновь помогли ноги! Женева, Загреб, наконец, Сараево. А теперь и отсюда придется драпать. Равви – да упокой Господь его душу! – сказал тогда: «Яков, запомни: как бы ты ни обрастал барахлом, как бы ни требовала покоя твоя задница, будь готов! Не гневи Бога, а значит, более всего береги свои ноги. Они спасут еще не раз и не два».

Мури был само внимание, и старик с готовностью продолжил:

– Говорил мне равви: «Все обещай глупцам, услаждай их байками да сказками о земле, в которую приведешь, но вот только сам не обольщайся. Запомни горькую истину и прими ее такой, какова она есть. А истина только в том, что смысл всей нашей горестной жизни – вечная беготня!»

Кот терпеть не мог табачного дыма, но сейчас изошел на преданность и прилип к ногам старика. И Яков поведал самое сокровенное:

– Дураков своих поведу-ка в Мюнхен. Ну а тех, кто подальновиднее, – отправлю в Америку. Нельзя сказать, что там истинный рай, но все же зацепиться можно… А потом ведь и оттуда попрут! – хрипло засмеялся старик и закашлялся, выбивая трубку. – Потому что, верно, так решил Господь: со времен Эзры метут нас по миру туда-сюда… А ты, ничтожно малая тварь, – обратился он к Мури, положив желтую табачную пятерню на голову властелина, – ты остаешься, привязанный к тем, кто тебя кормит. А после того, как кормильцы исчезают, мечешься, не зная, что и предпринять… Готов приткнуться к любому углу. Маленький, жалкий кот.

– Глупец! – фыркнул Мури, преданно глядя в глаза старику. – Тебе ли меня учить!

Однако он продолжал ластиться и издавать тот едва слышный треск, который так завораживает двуногих.

– Жаль только, что тебя не посадить на тележку, – огорчился Яков. – Я бы о тебе позаботился, уж больно напомнил ты мне мою мурлыку.

«Если не посадишь меня в корзину, я сам туда залезу, старый дурак», – подумал Мури.

После этого он прыгнул Якову на колени, преспокойно свернулся клубком и задремал в свое удовольствие. Яков же, боясь пошевелиться и спугнуть существо, просидел до утра, стараясь не дрожать коленями.

Утром старик все-таки решился взять пришельца с собой. Каково же было его удивление, когда Мури с готовностью улегся на дно вместительной корзины.

– Вот уже не думал, что не сбежишь, – пробормотал озадаченный Яков. И, даже не закрыв двери дома, покатил тележку к воротам.

Ах, как надрывался домовой за его спиной, как раскачивался из стороны в сторону, как выл и умоляюще просил остаться. Разумеется, Яков его не слышал. Тем более на улице раздавались вопли пожалобнее – там собрались с пожитками соплеменники новоиспеченного Моисея: почтенные отцы семейств, молодые мужчины, старухи, парни, девушки с узелками, тележками и чемоданами. Напуганные дети горбились на тележках и на мужских плечах. Они не смели даже пикнуть в то время, когда воют взрослые. А уж в женских стенаниях недостатка не было – щеки дородных евреек щедро орошались слезами.

– А где Абрахам? – спросил Яков, когда все, подавляя рыдания и вздохи, собрались возле него. – Куда подевался этот скряга?

– Он решил охранять свое жилище, – раздались сдавленные голоса. – Решил спасти свой магазин… Он никуда не пойдет.

Ответный сарказм старика был поистине беспределен:

– Вот молодец! Ему, видно, моча ударила в голову!.. Немедля приведите его.

– Он не пойдет! – отвечали Якову. – Абрахам скорее погибнет, чем отправится с нами.

– Да что он, малый ребенок? – взорвался Яков. – Или мозги его усохли?

Старик решительно направился к дому Абрахама, потянув тележку, на которой разместился дальновидный кот. Толпа потащилась следом. Многие не оставляли внушительную поклажу, хотя и шатались от тяжести.

– Куда? – закричал Яков, обернувшись на соплеменников. – Да вы что, с ума все здесь посходили? Вам не пройти будет и первого перевала. Бросайте!

Видя его решительность, одни бросили ношу, другие продолжали волочить чемоданы чуть ли не по земле.

– Выкиньте лишние тряпки! – неумолимо требовал Яков. – Оставьте одеяла, палатки, продукты и воду. Остальное не понадобится.

Тогда кто-то, заметив Мури в его корзине, вскричал:

– А ты зачем тянешь с собой безродную кошку?

– Кошка не чемодан с барахлом! – отрезал Яков. И, подойдя к дому Абрахама, закричал: – Прекрати упрямиться, старый осел! Немедленно собирайся и спеши за нами!

Абрахам высунулся из своего коттеджа, сжимая в потных руках ружье. На его лиловых губах пузырилась пена. Сквозь прутья корзины Мури видел чрезвычайно довольного домового за спиной стрелка. Домовой прямо-таки раздувался от удовольствия, радуясь самоубийственной глупости хозяина, который, поведя дулом в сторону Якова, отрывисто пролаял:

– Неизвестно, кто глупее – ты или я… Погодите! – обратился он к толпе. – Этот сумасшедший еще заведет вас в пропасть. А вы – истинные болваны, раз доверились такому треплу. Вы просто-напросто сгинете, безмозглые кретины!

Выслушав соседа, Яков молвил, покачивая головой:

– Абрахам, Абрахам! Зачем ты копил годами добро? Зачем дрожал над каждым динаром? Поставил на крышу «тарелку», приобрел дорогую машину – и так и не женился из экономии. Верно, думал, успеешь. Равви Веджамин и старый Гершевич тебе не указ! Так во что

ты поверил, Абрахам? В то, что мир изменился и ты спокойно можешь теперь позабыть, кто ты есть на самом деле? Не хочешь ничего знать? Так вот – мы опять с тележками смиренно ждем, когда соизволишь выйти… Даю слово, я посажу тебя на самолет, летящий прямо в Америку: прекрати только упрямиться.

– Канава вас ждет придорожная, идиоты и трусы! – защищался Абрахам.

– Оставь здесь свой гонор, – убеждал упрямца старик. – Все бросай, пока не поздно, и поспеши за нами. Приведу вас туда, где спокойно, и там сможете век дожить в свое удовольствие… Ну что сейчас твои дом и «мерседес»? Что деньги? Помни, кто ты, и не смеши гоев!

– Плевал я на твою теорию! – орал Абрахам, грозя бесполезным ружьем. – Проваливай! Веди за собой свое безмозглое стадо…

Тогда Яков, свирепо раскурив трубку, пошагал прочь от его дома, больше не оглядываясь. Мури видел, как, отделившись от стаи демонов, которая хлопала и трещала крыльями в утреннем небе, к Абрахаму подскочил маленький и подлый демоненок, из тех, кто всегда на подхвате. Этот гаденыш, радуясь и открывая в беззвучном хохоте пасть, мазнул коготком по покрытому испариной лбу Абрахама, проведя заветную отметину. А затем, в восторге от выполненного поручения, понесся догонять своих.

Сразу после улиц города пошли философски-спокойные горы, к ним вела тропа, известная, судя по всему, лишь проводнику. Ее ширины едва хватало для начавших уже поскрипывать тележных колес. Из всей общины лишь Абрахам остался защищать свой обреченный магазинчик игрушечной, по сравнению со старыми добрыми стодвадцатимиллиметровыми минометами, двустволкой. Остальных уже не приходилось подгонять. Что удивительно, даже самые маленькие дети по-прежнему молчали, как будто рты им залепили самым клейким скотчем.

– Вот и все, – бубнил старик, крепко держась за ручку своей тележки. – Где они, наши хваленые машины? Наши новенькие «тойоты», славные «пежо» и даже «линкольн» почтенного и уважаемого Елохима Шарума? Остались в гаражах со всем своим хромом и блеском: легкая добыча для тех, кто уж постарается поживиться… А тележку легко увлечь за собой.

Между тем пушки вновь взялись за дело – снаряды и мины с отвратительным визгом накрывали городские кварталы. А беглецы гуськом продолжали восхождение по тропе, огибающей жалкие на вид, но гордые по существу кустарники и камни, давным-давно остановившие на склонах свой бег. Мури невозмутимо странствовал в корзине. Старик, с этого времени являясь его добровольным извозчиком, яростно сжимал мундштук зубами. Останавливался он лишь для того, чтобы подсыпать табаку.

– Господь поставил предел, за который никто не заглянет, – разговаривал он сам с собой. – Но как был прав умнейший равви Веджамин, как он был прав, не быть мне Яковом! Ничего не дано нам ни понять, ни осмыслить. Вот потому-то и держи порох сухим и всегда будь готов выступить – а я-то всегда смазывал колесики!

Кот слушал, а старик вез его, выбирая самый извилистый и тернистый путь из всех возможных и дальновидно избегая шоссейных дорог. Только когда даже мужчины утомились, он объявил о привале. В том глухом месте рос тощий, сухой, как хворост, кустарник, который, как только свалились пожитки, был обречен. Беглецы раскинули палатки. Детей, спасая от сырости, завернули в одеяла. Якова звали к общему огню, но он, подобно всякому вождю, предпочел уединение и развел свой костерок. Ловко, будто всю жизнь этим занимался, он вскипятил в маленьком чайничке кофе, соорудил навес над собою, развернул одеяло и выпустил из корзины на верблюжью шерсть кота.

Мури, от души потянувшись, хрустнул всеми своими суставами. Яков щедро поделился с котом водой и рыбными консервами, доверительно сообщив:

– Эти Свейнгеры, Шарумы, Алохи сейчас ведут себя, как послушные овцы. А случись что – побьют ведь камнями! Насмотрелся я на людей и уж точно скажу – все именно так, а не иначе. Большинство боится дороги и ищет поводыря. Люди согласны быть слепыми и с удовольствием доверяют себя вести – но до первой серьезной колдобины! Стоит мне лишь споткнуться!.. О, людей я знаю, и равви Веджамин и мудрейший Варух из загребской синагоги хорошо меня научили. Они-то любили говаривать: назови своим людям любое место в мире, Мюнхен или Вену, но сам разумей – бесконечны странствия народа Божьего!

И Яков оглядывался на свой народ, наворачивавший возле костров кошерную тушенку.

– Ах, как бы все приуныли, если узнали бы правду, – горестно вздохнул он. – Мой Господь, как бы все они приуныли!

Два дня Мури качался по горам и долинам, не выказывая ни малейшего желания удрать. В свою очередь, Яков лишь коту доверял свои думы, зачастую весьма нерадостные.

На исходе третьего вечера иссякли припасы, дети совершенно измучились, всех разозлило, что Яков упрямо тащит свою поклажу, не утруждаясь сообщить, когда и где закончится странствие. Его снобизм, равно как и особенность без устали шагать по горам милю за милей, в конце концов оказались красной тряпкой даже для самых миролюбивых. Семейство Шарума, которое до того вечера покорно следовало за стариком, тоже готово было взбунтоваться. Лишь жизнерадостный Шейлох Шарум, паренек десяти лет, бежал рядом с Яковом, страшно завидуя его трубке. Иногда, подпрыгивая, он доставал любопытным носом до ароматных табачных облачков. Этот Том Сойер буквально прилип к тележке, выслушивая странные рассуждения Якова о том, как полезно сынам Израилевым иметь здоровые крепкие ноги.

Во время очередного привала старик вновь отошел в сторонку и расположился под большим нависающим камнем. Менее всего он был расположен к общению с соотечественниками, но бунт назрел. Мури чувствовал напряжение, вот почему на этот раз предпочел не вылезать из корзины. Двое молодых разозленных парней решились на «первый выстрел». Подойдя к проводнику, они выпалили в упор, перебивая друг друга:

– Эй, Яков! Откуда ты выдумал, что наш квартал непременно сгорит? Откуда такая уверенность? Зачем ты всех нас взбаламутил и погнал сюда? Что ты вбил в свою голову? В Сараево у нас были дома, склады и магазины – теперь-то уж наверняка они разграблены. А может, если бы мы все-таки остались, как Абрахам, то отстояли бы свое добро?

Яков, словно не слыша их беспардонной наглости, набил свою трубку табаком и преспокойно искал уголек в костре.

– И вообще, сам-то ты знаешь, куда идти? – не унимались парламентеры. – Здесь в горах войны нет, но мы все перемерзнем и, чего доброго, вообще останемся без пропитания.

– Жадность вас сгубит вернее голода, – сказал тогда старик. – Я же вижу, локти себе готовы кусать. Ах, Барух, Барух, только подумай умной своей головой: что тебе стоит вновь завести магазинчик?! Пусть доберемся даже до Ледовитого океана – бьюсь об заклад: если там хоть ненадолго задержимся, ты первый же и откроешь лавку. Разве в том дело?

– Совсем ты рехнулся на старости лет, – не унимался вредный Барух. – То-то замечаем – с котом разговариваешь. А знаешь, что о тебе думают люди?

– Да-да, – поддерживал его товарищ. – Знаешь, что о тебе все думают?

– Вот уж меньше всего хочу я об этом знать, сосунки вы этакие! – разозлился Яков. – Марш отсюда оба! У вас, я смотрю, совсем растопились мозги!.. Вода будет завтра! – крикнул он им в спину. – Скажите своим, пусть немного потерпят. В одном и прав этот Абрахам, – нагнулся Яков к корзине. – Стадо есть стадо, поменьше бы рассуждать с ними о том и о сем. Ну, да ничего не поделаешь. Господь простит меня за ложь, ведь правда для этих олухов невыносима.

Затем он все-таки направился к палаткам и сам себя превзошел в красноречии, убеждая евреев не поддаваться унынию. Он так расписывал им будущую безбедную жизнь, так клялся пророками и бородами почтенных предков, вспоминая родословную каждого, стоявшего перед ним, чуть ли не до седьмого колена, так расписывал теплый прием в Мюнхене и в Тель-Авиве (где кому будет угодно остановиться, хотя он сам предпочел бы всех их отправить в Америку), что толпа не на шутку воодушевилась.

– Веди нас, Яков! – раздались возгласы. – Мы слушаем только тебя. Поистине, Веджамин, умнейший из умнейших, оказался прав, когда хотел тебя сделать своим преемником!

Многих охватило радостное нетерпение. Мужчины и женщины всерьез размечтались о будущей кисельной жизни. А Яков, возвратившись под камень к остывшему костерку, долго кашлял, дрожал и не мог прийти в себя.

– Что за дети, – сокрушался он, ворочаясь на одеяле. – Даже седобородый Свейнгер рот открыл, словно ребенок. Всем им нужно чудо: обязательный рай, где кормят манной кашкой, – вот почему побегут за любой приманкой… А ты, смотрю, не таков, – постучал Яков по корзине. – Так ведешь себя, словно вечно собрался со мной путешествовать.

Мури зевнул и ответил – нагло и прямо, – зная, что человек не услышит:

– Нет, старый дурак. Мне нужна моя миска, мой плед, мой сад, которым я буду владеть. Не сомневаюсь, чудо это вполне достижимо.

И кот уставился в темноту, положив на лапы свою драгоценную голову. Яков наконец заснул. Его люди тоже успокоились. Они спали, как им самим казалось, в космической тишине. Но на самом деле здешний воздух был пронизан голосами. Это была обычная неостановимая болтовня духов. Стихиалии вылетели из всех своих убежищ и трещали, как южные торговки, обсуждая беженцев. Мури нисколько не удивился, когда здешние обитатели взялись мыть ему косточки, но их наблюдательность сразу зашла слишком далеко.

– Самовлюбленный упрямец, – пищали духи на все голоса и лады. – Хитрая бестия, знает, что ему надо. И ведь ничто его не остановит, вот пройдоха! Долго еще будет морочить старикашку! Эй! – задирали они кота. – И не стыдно тебе ездить на старом двуногом?

– Заткнитесь! – ответил Мури, угрожающе выставив гуттаперчевую спину. – Какое вам до меня дело? Что вы понимаете в миске и в теплом пледе?

Он махнул лапой, отгоняя мелькающих под носом проницательных наблюдателей, а затем постарался заснуть. Да вот в таком гомоне сделать это было совсем непросто!

Утром евреи опять доверчиво поспешили за стариком. Но воды так и не нашлось. Дети ныли теперь безостановочно – замолкал, наоравшись, один, и тотчас его песню подхватывали сразу несколько голосов. Эти писклявые человеческие детеныши даже коту стали действовать на нервы. Однако по-прежнему Яков дымил и кашлял во главе растянувшейся маленькой колонны. И вид его был такой, словно он собирался всех непременно доставить до райских кущ. Мальчишка, словно завороженный, не отставал от него. Не раз и не два рассерженный отец звал Шейлоха назад, к семье, – тот беспечно не слышал. Ему одному нравилось это нескончаемое путешествие.

Когда солнце вовсе насело на мужские и женские плечи да так поддало жару, что лбы задымились, раздался новый ропот. Барух и ему подобные взялись перекликаться как бы между собой, однако все их прекрасно слышали. Смысл разговоров сводился к одному – Абрахам прав, нечего было увязываться за слепцом.

– Старый дурак совсем сбрендил! Чего ж мы хотели? Ясное дело, послушались сумасшедшего… Надо, пока не поздно, поворачивать и возвращаться. Дорога в никуда ведет – вон горы-то все выше и безлюднее, даже никакого мусора не валяется по сторонам!

Действительно, Яков затащил всех в решительную глухомань. Солнце окончательно вскипятилось. Дородные женщины скидывали кофты и платки – вся тяжесть снятой одежды

легла на мужчин и парней. Шейлоха вновь настойчиво просили вернуться, однако восторженный мальчуган, помогая себе подобранной палкой, словно уши ватой заткнул.

– Стоп! – заорал наконец бунтовщик Барух. Его приятель растопырил руки, останавливая толпу. – Хватит!

Оба пирата подобрались к Якову, который ожидал их на уступе, не выпуская изо рта трубку, только под ноги себе поплевывал.

– Выбрасывай своего кота! – заорали на поводыря щенки. – Мы оставили внизу все, что у нас было… Кошки, собаки – все осталось. А тебе пришла в голову блажь таскать с собой этого приблудыша, да еще с ним и советоваться… Давай-ка выкидывай его из корзины, иначе мы это сделаем!

Приятель Баруха даже схватил камень, уверяя, что вот-вот размозжит коту голову.

– Елохим! – воскликнул тогда Яков. – Не помнишь ли, как тебя еще сопливым ребенком, когда ты болел, твои родители приносили к нам? И я, и моя покойная Юдифь целыми днями возились с тобой? Или забыл ты, как отпаивал я тебя козьим молоком с медом и жарил для тебя говяжью печень?.. Я и моя жена лелеяли тебя, как сына, и радовались твоему выздоровлению… Неужели ты заделался последним гоем?

Нападавший отступил – благородная ярость Якова не сулила ничего хорошего.

– Если ты, Елохим, хоть пальцем тронешь невинную и слабую тварь, я вцеплюсь тебе в глотку, и Бог, которого вы оскорбляете своим неверием, оправдает меня… Прочь, прочь! – заметал старик молнии. – А вы!.. – обрушился он с высоты уступа на остальных. – Вы не можете потерпеть и ведете себя словно трусливые овцы. Я сдержу обещание, клянусь всеми своими родственниками. Вы останетесь живы, и дети ваши, и дети ваших детей еще скажут мне за это спасибо. Не ропщите и не противьтесь, я, Яков Шлейхбаум, сын Аарона и Мирры, знаю, что делаю. За мной, за мной, нечего распускать сопли и нюни…

Камешки вновь принялись отщелкивать от его башмаков. Толпа со вздохами потащилась следом. Посрамленные Барух с Елохимом, сдавленно ругаясь, плелись позади всех.

Первым услышал шум воды лопоухий Шейлох. И вот все уже увидели водопадик, который выбивался из скалы и разбрызгивался в разные стороны. Мури приветствовал разноцветного здешнего духа сдержанным мяуканьем. Дух, и без того искрящийся, еще более засверкал и затрепетал над водой, разглядев посреди глухих и слепых двуногих родственную душу.

Настроение утоливших жажду кардинально поменялось. Старика одобрительно похлопывали по плечу.

– Прости их, Яков, – подходя к нему, вспоминали о Барухе и Елохиме сердобольные женщины. – Ты можешь понять наше отчаяние…

Пастырь на это лишь покачивал головой. Соплеменники, за исключением Шейлоха, его явно не радовали.

Отцы семейств во время привала здорово наподдали молодым бунтарям. Кончилось тем, что Барух и Елохим приблизились к Якову на глазах у наблюдавших за ними папаш и примирительно предложили потащить его нехитрую кладь. Яков отказался. Затем, ни на кого не глядя, запалил трубку и вновь рванул тележку за собой.

«Старый козел!» – выругались про себя обидчики, разводя руками и всем своим видом показывая: хотели, дескать, найти общий язык, но что поделать с упрямцем.

Другие молодые мужчины попытались предложить Якову свои услуги, но он сухо отклонил предложения. Однако люди все равно повеселели и дружно потопали за стариком. Девушки звонко перекликались и перешучивались с парнями. Животики малолеток булькали. Между тем колесики стариковской тележки перевалили еще через один склон, а там тропа обернулась дорогой, и, что желаннее всего, по ее обочинам запестрели обрывки бумаги и тряпки. Это всех еще больше подстегнуло, и лишь из уважения никто не осме-

ливался обгонять Якова. Женщины, с присущим только им жарким апломбом, разом стали превозносить его ученость. Вспоминали, что еще с молодости отличался он рассудительностью, недаром сам равви Енох так ему благоволил – а уж тот равви был первая голова на всю округу, евреи из самого Загреба приезжали к нему за советами, а это что-нибудь да значит! И уж сам Яков, дай ему Господь долгих лет, никогда никому не отказывал в советах, особенно когда дело касалось женитьбы. Поистине, Господь указал на него и вложил в него такую незыблемую веру! Молодые и старые женщины горячились, не скупясь на восхваления, мужьям оставалось только согласно поддакивать. И еще не раз и не два, стараясь сгладить вину, обращались мужчины к старику с просьбой отдать в более сильные руки его тележку. Они уже готовы были тащить на руках и кота.

Но не успел весь этот теперь уже веселый и болтливый народ спуститься в долину, в которой заливались на все лады и трели большие и малые птицы, произошло то, чего втайне больше всего опасался Яков. Навстречу евреям попалась одна из многих банд, которых с плодовитостью крольчихи выпускает из своего дурно пахнущего лона любая война. Полупартизаны-полупьянчуги, неожиданно загородив дорогу, приказали толпе остановиться. После этого бандиты воткнули людям в ребра разнокалиберные стволы и погнали к жалкому, едва подающему вздохи, ручью. От этих собак несло не только псиной, но и той внутренней гнилью, которая сразу выдает живых мертвецов. Мури выпрыгнул из корзины и мгновенно растворился в траве. Местные духи также, словно капли, разбрызнулись в стороны – подальше от разборки. С другой стороны не заставили себя долго ждать демоны. Они тут же обрушились с неба, лихо притормаживая птеродактилевыми крыльями. Еще одна их темная стая планировала над горами, готовая спуститься. Но смерть так и не отмахнула флажком. Мужские и женские лбы, пропитавшиеся тропической испариной, оказались нетронуты, хотя прокопченные слуги ада прижимались все ближе к омертвевшим людям. Наблюдательный кот заметил: на краю румяного, поджаренного солнцем облачка привычно уселся ангел и, подперев бесплотными руками прозрачный подбородок, принялся ожидать скорой работы. Судя по тому, с какой искренней радостью бандиты сорвали с некоторых старцев ермолки и принялись топтать их, пощады ждать не приходилось. Яков один оставался спокоен. Жалкие космы его развевались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.